

УДК: 778.5.04

DOI: 10.24412/2618-9313-2022-421-28-41

«Мои стихи — дыхание». Патриция Кавалли / Patrizia Cavalli (17 апреля 1947–21 июня 2022). О том, как однажды магия кино подарила миру одного из лучших поэтов Италии

КУРАШ А. П.

Светлой памяти дорогой
Шогенцуковой Нине Адамовне,
прекрасному педагогу, ученому,
удивительному человеку-интеллектуалу,
всегда красивой, яркой, неповторимой —
с благодарностью и любовью...

Автор выражает искреннюю благодарность
Маддалене Бергамин, Марко Басси,
Антонио Владимиру Марино, Клаудие Редиголо,
без консультаций и помощи которых
появление данной работы было бы невозможным.

Для цитирования

Кураш А. П. «Мои стихи — дыхание». Патриция Кавалли / Patrizia Cavalli (17 апреля 1947–21 июня 2022). О том, как однажды магия кино подарила миру одного из лучших поэтов Италии // Телекинет. 2022. №4(21). С. 28-41.

Сведения об авторе

Артур Петрович Кураш, кандидат культурологии, Нальчик, Россия

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8482-2663>

artur_kurash@mail.ru

Данное издание соблюдает принципы лицензирования контента с помощью лицензии Creative Commons Creative Commons License. This work is licensed under a Creative Commons Attribution-Non-Commercial-NoDerivatives 4.0 International License.

Аннотация

Уникальное творчество итальянской поэтессы Патриции Кавалли (1947–2022), одного из признанных мастеров современного поэтического слова Апеннин с середины 1970-х гг., хорошо известно в литературных кругах Италии и других стран. Однако по-настоящему широко известной, особенно в родной Италии, она стала совсем недавно — после своей кончины 21 июня 2022 г. Поэзия Патриции Кавалли, в которой лирическим героем выступает сама Кавалли, хорошо узнаваема благодаря легкости звучания, глубинности смысла при внешней простоте изложения, лаконичности стиха, игре слов, звучности с внутренней «плавающей» рифмой и ассонансами, скрытой философией одинокой женщины-интеллектуала. Вступительная статья, воспоминания и размышления поэта о своем жизненном пути, об Эльзе Моранте, о современной поэзии и прочее (из интервью разных лет), а также подборка стихов в переводе на русский язык дает возможность познакомиться и получить общее представление о мировоззрении и творческом наследии Патриции Кавалли.

Ключевые слова

Патриция Кавалли, Эльза Моранте, поэзия Италии, итальянская поэзия, итальянские поэты, великие поэты Италии, Шогенцукова Нина Адамовна

“My poems are breath.” Patrizia Cavalli (April 17, 1947 — June 21, 2022). About how once the magic of cinema gave the world one of the best poets in Italy

KURASH, A. P.

Blessed memory dear
Shogentsukova Nina Adamovna,
excellent professor, scientist,
amazing intellectual person,
always beautiful, bright, inimitable —
with gratitude and love...

The author expresses his sincere gratitude to
Maddalena Bergamin, Marco Bassi,

Antonio Vladimir Marino, Claudia Redigolo,
without whose advice and assistance
this work would not have been possible.

For Citation

Kurash, A. P. About how once the magic of cinema gave the world one of the best poets in Italy. Patricia Cavalli / Patrizia Cavalli (April 17, 1947 — June 21, 2022). Telekinet, 2022, no. 4(21), p. 28-41.

About the Contributor

Artur Kurash, Candidate of Science, Nalchik, Russia
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8482-2663>
artur_kurash@mail.ru

Abstract

The unique creativity of the Italian poetess Patrizia Cavalli (1947–2022), one of the recognized masters of the poetic word of the Apennines since the mid-1970s, is well known in the literary circles of Italy and other countries. However, she becomes truly widely known, especially in her native Italy, only after her death on June 21, 2022. The poetry of Patrizia Cavalli, in which Cavalli herself acts as a lyrical hero, is well recognizable due to the lightness of sound, the depth of meaning with external simplicity of description, the conciseness of the verse, play on words, sonority with internal “floating” rhyme and assonances, the hidden philosophy of a lonely intellectual woman. The introductory article, the poet’s memoirs and thoughts about his life path, about the poet Elsa Morante, about modern poetry and so on (from interviews of different years), as well as a selection of poems translated into Russian, makes it possible to get acquainted and get a general idea of the worldview and creative heritage of Patrizia Cavalli.

Keywords

Patrizia Cavalli, Elsa Morante, poetry of Italy, Italian poetry, Italian poets, great poets of Italy, Shogentsukova Nina Adamovna

«Вообще-то всю свою жизнь я только и делаю, что
сочиняю какую-то физиологическую историю:
все это исходит из чего-то физического,
потому что у меня нет души.
— Совсем нет души?
— Да, у меня есть только чувства и слова».

«Мои стихи — дыхание, и я дышу, чтобы найти слова».

«Сейчас я читаю Мандельштама, но это сущий ад
не иметь возможности читать его на русском,
не наслаждаться рифмами...»
(*Патриция Кавалли, 2017*)

Яркое творчество Патриции Кавалли — современного итальянского поэта-певца «della lingua del sì»¹, писательницы, переводчика-новатора (пьесы Шекспира «Буря», «Сон в летнюю ночь», «Отелло», «Двенадцатая ночь»; Мольера «Амфитрион») хорошо известно в литературных кругах Италии и далеко за ее пределами.

Патриция Кавалли одна из признанных мастеров итальянской поэзии на рубеже веков, а именно с 1974 г., после выхода в свет ее первого поэтического сборника «Мои стихи не спасут мир» («Le mie poesie non salveranno il mondo», Einaudi, Torino, 1974). По мнению многих итальянских критиков, поэтов, литературоведов, деятелей культуры именно Кавалли с середины 1980-х гг. и до наших дней являлась «здравствующей королевой современного поэтического слова Апеннин». Фактически коронавание «лавровым венком поэтессы Италии» произошло сразу после ухода из жизни блистательной, бесконечно талантливой и богемной Эльзы Моранте², узревшей именно в Кавалли свое “alter ego” и с 1969 г., в Риме, взявшей под личную опеку юное дарование из провинции — студентку философского факультета с «несносным характером».

Сборники стихов Кавалли издаются и переиздаются не только в Италии, но и в разных странах мира, а ее богатое самобытное поэтическое наследие, ее интерпретация поэтического текста с внутренней «плавающей» рифмой и ассонансами, ритмическая и звуковая организация «загадочного», «простого», «легкого», «музыкально-звучного», «абсолютно прозрачного» лаконичного стиха, написанного верлибром, иногда с перекрестной или финальной парной рифмой, ее скрытая житейская философия одинокой женщины-интеллектуала, как и оригинальные художественные формы «поэтического языка тела-жизни-любви-смерти», поэтический «opus incertum» или «поэзию мягкого слушания», или «трагикомическо-диагностическую поэзию» (по ироничному определению самой Кавалли), которая, порой, вызывает смех — все это серьезно изучается (в том числе в рамках диссертационных исследований), анализируется, обсуждается, цитируется на самых различных площадках: ТВ, радио, пресса, конференции, круглые столы, литературные вечера, поэтические сайты (интернет-поэзия). При этом необходимо

¹ «la lingua del sì» — итальянский язык (“... del bel paese là dove il sì suona” — Dante Alighieri «Divina Commedia» Cantica de l’Inferno / 33) — А.К.

² Эльза Моранте / Elsa Morante, 1912–1985; известный итальянский поэт, писательница (романы, детские рассказы), литературный переводчик, кинокритик; яркий представитель римской богемы; любила участвовать в киносемочных процессах, в особенности в фильмах Пазолини 1960-х гг. и др.; считалась «королевой» итальянской поэзии и прозы послевоенного периода; литературные премии: Premio Viareggio (1948), Premio Strega (1957), Prix Médicis (1984); увековечивание имени в Риме: городская площадка, культурный центр, летняя арена; городская библиотека в Остна (пригород Рима). — А.К.

отметить, что по-настоящему широкую известность, особенно на родных Апеннинах, 75-летняя Патриция Кавалли получила недавно — 21 июня 2022 г., в день своей смерти.

О безвременной кончине «горячо любимой поэтессы» в одночасье заговорила вся Италия: в школах, ВУЗах, муниципалитетах и даже в Палате депутатов Италии. В СМИ появились многочисленные публикации с броскими заголовками, в основном, цитатами почившего поэта, вспомнили также ее известное четверостишие, написанное несколькими годами ранее: «Смерть я хотела бы встретить на равных, / хотя знаю: все равно придется проиграть, / но я жажду схватки настоящей, / а не тихо и медленно угасать». В газете

«Repubblica» вышла статья Сильвии Ронкей «Патриция Кавалли, портрет поэтессы в день летнего солнцестояния», где в названии автор указывает на удивительную символику смерти-жизни поэта. И действительно, Кавалли ушла в полдень самого светлого дня в году, 21 июня, в день летнего солнцестояния, когда «свет сильнее тьмы», словно ей удалось найти свой заветный чудо-цветок папоротника и просто стать невидимой.

Патриция Кавалли появилась на свет в 1947 г. в провинциальном городке Тоди (центральная Италия, область Умбрия), где она училась в местном лицее “Jacopone da Todi” и, как многие девочки, вела дневники, прилежно училась, а еще брала уроки игры на фортепиано, в чем добилась немалых успехов и могла даже стать профессиональной пианисткой, но она выбрала нелегкий путь поэта.

По воспоминаниям Кавалли, писать стихи она начала случайно, и произошло это благодаря... магии кино. Свое первое стихотворение она написала в пятом классе начальной школы, когда ей было около 10 лет. Это было трогательное посвящение американской актрисе Ким Новак (род. 1933 г.), в которую юная итальянка безумно влюбилась с первого взгляда во время просмотра фильма «Пикник» (реж. Джошуа Логан, 1955), а именно танцевальной сцены с участием Новак и Уильяма Холдена (1918–1981) на лодочной пристани.[10] Особенно Патрицию поразили первые кадры этой незабываемой сцены: сексапильная Новак в розовом платье медленно спускается по ступеням, эффектно хлопая в ладони под ритм музыки. Спустя много-много лет в одном из своих интервью Кавалли так вспоминает тот важный день в своей биографии:

«Я влюбилась, пришла домой и сказала маме: Хочу познакомиться с Ким Новак. Мама спросила: И как мне это сделать? А я в ответ: Ах так, тогда я не буду больше есть. И я не ела целую неделю... Бедная мама, я была несносным ребенком». [1] В те дни, охваченная душевным смятением, влюбленная Кавалли впервые написала верлибром два стихотворения. Первое, вдохновенное:

«Так кто же ты / Ким, Ким, Ким Новак? / Быть может ангел, возникший вдруг? / А может ты есть свет, тепло и сновиденье? / Да, я вижу, в тебе я вижу свет, добро, надежду. / Я верю, в тебя я верю всей душой». [1]

Второе, тревожное:

«А если умрет Ким Новак. / Где мое черное платье? / Где траур, что будет замечен издали? / Его нет? Ну, ладно, не имеет значения. / Буду носить ранний траур глубоко в своем сердце». [1]

Будучи уверенной, что написанные строчки — это бесспорный шедевр, Патриция решает закрепить полученный опыт стихосложения, но с привнесением некоторых «элементов новизны» путем сокращения или изменения звучания слов. Теперь стихи начинающей поэтессы представляли собой набор загадочных слов, смыслы которых было невозможно понять. «Некоторое время я думала, что писать стихи означает немного изменять слова, язык, изобретать его, и я писала вещи, которые ничего не значили, абсолютно ничего. <...>

Это было мое личное и родители даже не догадывались об этом. Я была несчастной и сумасшедшей девочкой: нет ни одной детской фотографии, где я бы улыбалась. Примерно в 14 лет я писала стихи, которые были очень тяжеловесными, очень экспрессионистическими, довольно уродливыми, напроць фальшивыми, но я упорно продолжала писать с мыслью, что настоящая цель моих устремлений — это проза. Но я всегда была слишком ленивой, я всегда нуждалась в немедленном удовлетворении». [1]

Патриция Кавалли покинула отчий дом, когда ей исполнился двадцать один год. Она уехала в Рим (135 км от Тоди), где поступила на факультет философии в один из самых престижных университетов Италии — Римский университет «Ла Сапиенца»¹. Казалось бы, ничего особенного, если бы не одно обстоятельство: тревожная осень 1968 г., разгар антисистемной революции во Франции и Италии — Апеннины охвачены протестным движением студенческой молодежи «Сессантогто» («Шестьдесят

¹ Римский университет «Ла Сапиенца» / L'Università degli Studi di Roma «La Sapienza» — один из старейших университетов мира, основан в 1303 г. папой Бонифацием VIII — А.К.

Ил. 3. Патриция Кавалли

восемь»). В тот мятежный год «вечный город» захлестнула волна беспорядков: массовые митинги, забастовки, уличные драки, демонстрации, захваты университетских зданий и ожесточенные столкновения студентов, молодых анархистов и социалистов с силами правопорядка. Но пафос революции несколько не заинтересовал Патрицию, другое дело — привычный мир книг и учеба в университете. В центре Рима на площади Кампо-деи-Фиори («поле цветов»), на полпути между пьядца Навона и палатцо Фарнезе, ей удалось снять комнату в настоящем средневековом палатцо, чему она была очень рада. В этом историческом римском квартале, некогда принадлежавшем могущественному феодальному роду Орсини, ей нравилось все: и красивый дом, где она жила, и старая площадь со звучным названием, и бронзовый памятник монаху-доминиканцу, философу-пантеисту и поэту Джордано

Бруно, сожженному на этой площади в 1600 году, и здесь же бойкая уличная торговля овощами и рыбой. Позже Патриции удалось стать хозяйкой апартаментов в доме, где она первокурсницей снимала комнату, и прожить там 45 лет, до конца своих дней. А еще повторить (или превзойти?) успех Катуллы¹, который однажды — как и Патриция! — приехал из провинции в античный Рим и стал обладателем лаврового венка главного пиита «вечного города».

Однако первый год жизни в столице стал для молодой девушки из Тоди настоящим испытанием: ее комната находилась возле входной парадной двери, а в соседних квартирах жили гламурные американские студенты-гомосексуалисты. Рим она не знала, выходила на улицу лишь по необходимости, все время читала философские книги, иногда писала стихи. Ее шумные соседи находили ее забавной чудачкой «не от мира сего» и иногда, из жалости, брали с собой на вечернюю прогулку. Тогда Патриция еще плохо владела английским, поэтому о каком-либо интересном общении со своими соседями не было и речи. Каждые две недели она возвращалась к родителям в Тоди. Это было необходимо, так как деньги на жизнь буквально улетучивались главным образом по двум причинам: Патриция не пользовалась общественным транспортом, а ездила только на такси, и баловала себя любимыми сладостями: засахаренными фиалками. В целом, об этом периоде жизни Патриция вспоминала с болью: «я была очень несчастна», «я была в отчаянии». Но вскоре в ее жизни произошло чудо и, к слову сказать, этому поспособствовали ее американские соседи-студенты: «<...> я встретила Эльзу Моранте и все изменилось <...> Она вытащила меня из моего несчастья и сделала поэтом».

Принимая во внимание, что о Патриции Кавалли никто не расскажет лучше, чем сама Кавалли, предлагаем подборку воспоминаний, размышлений и переживаний самого поэта из интервью разных лет.

* * *

Патриция Кавалли — воспоминания, размышления о поэзии, жизни, любви, смерти, времени

(из интервью разных лет)

Об Эльзе Моранте²...

«<...> Я всегда писала стихи, с детства, это было как нечто естественным, без какого-либо сознательного честолюбия. Потом однажды в моей жизни появился человек, которому я доверяла, и он мне сказал, что я поэт. И я поверила. В каком-то смысле я была вынуждена поверить в это (или, возможно, сделать вид, что верю), но по причинам, которые не имеют ничего общего с поэзией. Однако мне трудно называть себя поэтом, что-то у меня не сходится, я предпочитаю говорить, что иногда я пишу стихи <...>

— А кто был этот человек?

— Эльза Моранте». [5]

«<...> Я сразу поняла трудности ее характера. Как она относилась к некоторым начинающим заурядным писателями. Она чувствовала себя оскорбленной, если ей давали прочитать что-то, и это она находила плохим или посредственным. По правде говоря, Эльза могла даже прервать дружбу. Ее разочарование было ужасным и окончательным. Но, с другой стороны, она могла быть очень великодушной. Если она видела талант, то делала все, чтобы защитить его. В любом случае, я очень дорожила ее дружбой. <...> До знакомства с Эльзой я была почти одинокой, а близкая дружба с ней была словно трансформация нищеты в богатство: не только по причине гордости и удовольствия быть ее подругой — нет, это было удовольствие не спокойное, а всегда напряженное и громкое, — а скорее от удивительного ощущения вхождения в совершенно иной мир друзей и привычек, и это казалось мне самым лучшим, на что я когда-либо надеялась <...>». [5]

«<...> С Эльзой мы каждый день вместе ходили обедать. Она была старше меня на тридцать пять лет, но это было совсем незаметно. Благодаря ей я познакомилась с людьми, которые стали моими самыми близкими друзьями, друзьями всей жизни: Карло Чекки³, Анжела Ипполито⁴, Джорджио Агамбен⁵, Джиневра Бомпиани⁶. Я боялась сказать ей, что пишу стихи, но

¹ Древнеримский поэт Гай Валерий Катулл (~ 87/84–54 до н. э.), главный представитель римской поэзии в эпоху Цицерона и Цезаря.

² См. 2

³ Карло Чекки / Carlo Cecchi — итал. актер, театральные режиссер; род. 1939 г.

⁴ Анжела Ипполито / Angela (Angelica) Ippolito — итал. актриса, род. 1944 г.

⁵ Джорджио Агамбен / Giorgio Agamben — итал. философ, предположительно имеет армянские корни; род. 1942 г.

⁶ Джиневра Бомпиани / Ginevra Bompiani — итал. писательница, переводчик, книгоиздатель; род. 1939 г.

так как я изучала философию, то мне казалось, что этого достаточно. Я считала, что свое существование мне не нужно доказывать еще чем-то другим. К тому же я знала сложный характер Эльзы и ее готовность к презрению и остракизму. Она бы никогда не соврала, если бы я показала свои плохие стихи. Она бы сразу спросила: «Тебе не стыдно? Неужели ты считаешь, что это стихи?» — а дружбой с ней я очень дорожила. Мы часто ходили с друзьями или с ней вдвоем на площадь Навона, а на обед — в Кампану¹. Я довольствовалась тем, что имела: для меня главным была дружба и общение с этими людьми, а сжигающего огня искусства и даже амбиций у меня не было, но не потому, что я была непритязательной, нет. Я была очень самонадеянной, я вообще представляла собой саму самонадеянность, некий вид высокомерия <...>. [1]

«<...> После двух лет наших почти ежедневных встреч, однажды, по дороге в ресторан на площади Навона, Эльза вдруг остановилась, с жутко пугающим видом посмотрела на меня и спросила: «В конце концов, чем ты занимаешься?». Зная, что поэзия для нее самое главное, я даже не понимаю, как мне в голову могла прийти эта неосторожная и вероломная мысль ответить ей: «Я пишу стихи». С этого момента для меня наступил кошмар. Она посмотрела на меня и сказала: «Правда? Ну, так дай мне их почитать, не потому, что они меня интересуют с литературной точки зрения, просто я хочу посмотреть, что ты из себя представляешь <...>». [1]

«<...> Худшее, что только можно вообразить — это был тот ад, в который превратилась моя жизнь. Я начала избегать наших встреч. Я больше не ходила на обеды. Я пряталась, находила тысячи оправданий, а когда все же мы встречались, то она тут же спрашивала: «А где стихи? А я: «Я их еще не переписала». И так каждый раз: «Где стихи?». Я в ответ: «Еще не переписала». А она: «Ты когда-нибудь их перепишешь?». Но я их не переписывала, я их писала! Потому что я не была глупой и понимала, что то, что я писала, было ужасным, это меньше всего могло понравиться Эльзе <...>. [1]

«<...> Я начала писать новые стихи, а заодно пыталась разобраться, какие из написанных ранее можно было считать стихами, а какие нет; что было моим, а что чужим; где была правда, а где обман. Это стало моим первым уроком осмысления. Я вслушивалась, как в молитве. Да, в определенном смысле для меня это был урок нравственности. В конце концов, мне удалось подготовить для нее небольшую подборку коротких стихотворений (в краткости было меньше рисков, я давала минимум информации) <...>. [5]

«<...> Так я жила между ложью и правдой. Но через шесть месяцев увиливаний я все-таки пришла в ресторан с тридцатью стихотворениями — они все были короткими, и я тут же ушла домой. А через полчаса раздался телефонный звонок: «Патриция, я счастлива: ты поэт». Я почувствовала себя такой счастливой, хотя тогда мне было безразлично поэт я или нет. Главное, что я была амнистирована, а значит, принята: для меня это было таким облегчением, потому что все что происходило в дальнейшем казалось мне самым естественным на свете. Для меня было важно, что наконец-то я в безопасности: теперь никто не может указать мне на дверь, потому что я была поэтом. Какой же я была ужасной <...>. [1]

«<...> Когда эта маленькая [первая] книжка стихов² была опубликована, я не придавала этому особого значения. Часть меня всегда была расчетливой и немного циничной; на самом деле я никогда не была простодушной. Я проявляла равнодушие ко всему, кроме одного: признания и любви Эльзы, и это было для меня самым важным. Это она придумала название [сборнику]. Я была в Нью-Йорке, она мне позвонила мне и сказала: «Я здесь занимаюсь корректурой «Истории»³, увидела твою книжку и подумала, что нужно назвать ее «Мои стихи не изменят мир», как тебе?». Я ответила, что это отличное название. Какое бы название она не предложила, я все равно бы согласилась <...>⁴. [1]

«<...> Это Эльза мне сказала однажды: «Послушай, не думай, что твои стихи изменят мир». Потому что она была такой: с одной стороны, тебя превозносила, а с другой, напоминала: не возносись! Помню, как-то я пришла в ресторан в панаме — бог знает, о чем я тогда думала! — в общем, прихожу, а она говорит: «Подумать только! В мое время такой головной убор носили счетоводы». А так как я была жутко тщеславной, то тут же насмерть обиделась и сидела дико насупившись. С нами были друзья: Карло Чекки и театральная художник Серджо Трамонти, и Эльза говорит им: «Посмотрите на эту дурочку: я ей буквально недавно сказала, что родился поэт, а она корчит рожи из-за панамы». Но на самом деле она была этому очень рада, так как считала, что если ты способен обидеться из-за шляпки, то в этом есть некий хороший знак, отличающий тебя от заурядного поэта-дилетанта. Так ведет себя настоящий поэт». [1]

«<...> После этого я чувствовала себя гораздо счастливее, чем она. Не столько по причине «быть поэтом» (этому нельзя ни радоваться, ни огорчаться), сколько из-за тех преимуществ, которые я могла иметь. Больше мне не нужно было беспокоиться о расположении и уважении со стороны Эльзы и ее друзей, и я даже почувствовала общую атмосферу повышенной доброжелательности ко мне. Да, все стали относиться ко мне с большей любовью. Поэтому быть поэтом мне понравилось. Ее мнению я доверяла, да и как я могла не доверять? Но все же у меня было небольшое подозрение или опасение, что, возможно, произошла ошибка или, по меньшей мере, что она еще может изменить свое мнение. Но я не стала мучить себя догадками, а просто держалась на поверхности с малодушной осторожностью. Быть может из-за этого и появилось мое странное чувство замешательства, ощущение полуобмана, которое я испытываю, когда меня хвалят <...>. [5]

О поэзии...

«<...> Вы много пишете о себе. — В поэзии биографическая сторона мало что значит. Конечно, я много говорила и говорю о себе. И только примерно в одной трети моих стихотворений лирическим героем является кто-то другой.

— Почему? — «Потому что время от времени ко мне возвращается жизнь, и тогда я стараюсь овладеть ею и писать о ней <...>. [8]

«<...> — Как вы думаете, откуда приходит поэзия?

— Это очень большая загадка. Я думаю, что она появляется из определенного участка мозга, и там она располагается ровно посередине между музыкой и словом. Потому что она звучит. Это слово, которое звучит, но по-своему, ничего общего с музыкой,

¹ Кампана / *Campana* — старейший ресторан в Риме (505 лет в 2023 г.), расположен между Пантеоном и площадью Навона — А.К.

² Первый поэтический сборник П. Кавалли «Мои стихи не изменят мир» — «*Le mie poesie non cambieranno il mondo*», Einaudi, Torino, 1974.

³ Роман Эльзы Моранте «История» о Второй мировой войне (1974); был экранизирован в 1989 г. реж. Луиджи Коменчини, главная роль Клаудиа Кардинале.

⁴ Название «Мои стихи не изменят мир» — цитата из стихотворения Кавалли, опубликованного в первом сборнике: Кто-то сказал мне, / что, конечно, мои стихи / не изменят мир. / Я отвечу, что да, конечно, / мои стихи / не изменят мир. — А.К.

это другой вид звучания. Я верю во вдохновение как в биологическую привязанность, форму страдания, экспонирования. Но для поэзии одного вдохновения недостаточно, нужно уметь принять это и быть благодарным <...>. [5]

«<...> — Как это проявляется? — Есть что-то, что потрясает разум, волнует его или может наоборот расслабить, освободить от зажатого состояния. И тогда наша субстанция становится как бы невесомой, отделяется от своих скреп, выходит за пределы границ, чтобы слиться с миром в едином пространстве, так как мир тоже движется нам навстречу: два порыва, сталкивающиеся на полпути; ни внутри, ни снаружи, а рядом или вокруг тебя, будто аура. И в пустоте, созданной с выходом этой субстанции, появляется вибрирующее ядро: там и рождаются те слова, которые мы должны понять, прислушаться к ним. Это странное упражнение пассивной деятельности или, возможно, активной бездеятельности. Тем временем мыслительное действие продолжается: оно выбирает, принимает, от чего-то отказывается. Но это происходит быстро, хотя и хладнокровно, почти инстинктивная трансформация. Конечно, я не думаю, что мною будто найдена некая эффективная формула или составные части поэзии. Это просто психофизическое состояние, в котором я довольно часто нахожусь, пусть и не всегда именно так. К примеру, некоторые короткие стихотворения находятся там уже готовые; они появляются без моего ведома, приходят такими счастливыми, застигая меня врасплох; они стучат и я открываю дверь, мне остается только их записать. Без всяких усилий <...>. [5]

«<...> Все мои стихи — это дыхание, а небольшие поэмы — это долгое дыхание с размышлением. В некотором смысле да, когда я пишу, то становлюсь одержимой, порой, в бессознательном состоянии. Когда у меня происходят ауры, с сильными головными болями, почти как прелюдиями к эпилептическим припадкам, как их описывает Достоевский, с изменением чувственного восприятия, то я низвергаюсь в некие видения, после которых чувствую себя ужасно. Сначала неудержимое счастье, что-то тебя уносит ввысь, где ты воспринимаешь вселенную, континенты, времена года, детство и вдруг БУМ, будто тебя бьют по голове, и это экстагическое состояние превращается в боль, боль, боль <...>. [1]

«<...> Физиологическая основа моих стихов является фундаментальной. Меня никогда не вдохновляла абстракция. Меня не вдохновляют рассуждения, мысли, а вдохновляет форма физического восприятия звучания слов и ощущений, которая аккомпанирует этим словам, появляющимся будто во плоти. Ни одно мое стихотворение не рождается из умозаключения, даже если в моих стихах есть много рассуждений. Рождение происходит от сильного психического, нервного, почти материального побуждения, и отсюда происходит движение языка и физически он двигается в том направлении, куда его ведут. Это и есть вдохновение. Не у всех бывает один и тот же источник; у меня он есть и он не абстрактный, а физический, и в нем есть люди, любовь, ненависть, презрение, игра, мой дом. Затем, благодаря языку, вдохновение обретает облик, очевидность <...>. [1]

«<...> Я считаю, что все слова прекрасны, все до единого. Они существуют и вибрируют. Язык — это удивительная вещь, человеческое чудо. Все становится прекрасным, когда удается достичь той точки, когда слово приобретает очевидное, нужное и удивительное тело. Нет плохих слов, и синонимы не существуют. Такова природа слова. Смешно думать, что существуют синонимы. Слова лишь частично могут быть схожими. У каждого слова своя особенность, и когда ты произносишь слово, то именно его ты знаешь, ты его чувствуешь. <...> Что может быть прекрасней слов, языка? <...>. [1]

«<...> Если кто-нибудь из критиков, рассуждая о моих стихах, использует такие термины, как «повседневность» или «ирония», то я даже не дочитываю, потому что совершенно точно автор ничего не понял. Надеюсь, что этим он не хочет сказать, будто стихи я пишу каждый день, так как это неправда, я что — ежедневная газета? И вообще что может быть общего между поэзией и повседневностью? Это выглядит почти как противоречивость терминов. Можно ли представить, что кто-то будет писать стихи ради существования повседневности? Она и так существует само по себе. Поэзия, как известно, дает жизнь тому, чего прежде не было. Это постоянные уникальные открытия, пусть даже речь идет о паре туфель. Если стихотворение не справляется с этой задачей, то это не стихотворение. Я пишу, потому что я изумлена, я могу быть изумленной чем угодно, и мое изумление не может быть ограничено никакими канонами. А еще у меня есть склонность к театру и игре. Мне нравятся театральные представления. Только с этой точки зрения мне можно приписать иронический тон. Но ирония, как ее обычно понимают, это способность к холодной отстраненности, где заранее все известно. <...> Ирония не заставляет вас смеяться, а мои стихи зачастую вызывают смех, и я тоже вызываю смех, иногда нахожу его даже чрезмерным. И если им [критикам] действительно так нужны дефиниции, то предлагаю называть мои стихи трагикомическо-диагностической поэзией. <...>. [9]

«<...> Я не сравниваю себя с поэтами-современниками, потому что по большей части они меня утомляют, я сравниваю себя только с великими поэтами, вернее, читаю их. Умберто Саба, Сандро Пенна, Джорджо Капрони. Сейчас я читаю Мандельштама, но это сущий ад не иметь возможности читать его на русском, не наслаждаться рифмами, то же самое и с Мариной Цветаевой: метрика — это так важно, поэзия — это звучность. Если бы в моих коротких стихах не было этого звучания, то они были бы ничто. Но когда я открываю поэтические книги, и мой взгляд начинает скользить, как по зеркалу, не задерживаясь ни на одном слове, скользит все дальше и дальше, потому что используются невыразительные слова или как будто автор избегает любых эмоций, и ты не понимаешь, для чего здесь эти слова, и будто скатываешься в выгребную яму. А когда читаешь настоящих поэтов, слова обрушиваются на тебя, они существуют, они раскрываются, а не закрываются. Так со мной происходит с Данте, Кавальканти, Леопарди: я всегда их читаю с упоением, заучиваю наизусть, потому что это важно, это фундаментально, они составляют мне компанию: я иду по улице, и в какой-то момент они приходят мне на помощь <...>. [1]

«<...> К чему так много антологий современной поэзии перед лицом все более редкой аудитории? — Кто его знает? Возможно, именно по этой причине. Когда у людей нет интереса, а покупателей ничтожно мало, тогда прибегают к спецпредложению. Антология — это и есть спецпредложение, где вы получаете полсотню поэтов по цене одного. Главное — просто иметь в наличии, а не читать. Это уже не вопрос выбора лучшего поэта, чтобы читатель влюбился, а потом, может быть, пошел и купил книги некоторых поэтов. Важна обертка, а не содержание. Это как поэтические фестивали. Их так много, что можно подумать, будто итальянцы любят поэзию больше всего на свете. Но это неправда. Покупатели антологий и посетители фестивалей, если они не являются читателями, то точно не станут ими. Совсем наоборот! Думая, что у них все есть, что они все услышали и увидели (даже автора во плоти), то на этом все и заканчивается. Также нужно признать, что настоящими главными героями этих фестивалей стали попечители и организаторы. Если собрать их всех вместе, то, возможно, числом они

даже будут превосходить самих поэтов, которые охотно туда приезжают и остаются вполне довольными своими маленькими низкооплачиваемыми ролями. А еще непонятно для чего на поэтических фестивалях нужна вся эта огромная публика <...>. [9]

«<...> Я едва могу читать современных поэтов. Очень редко они меня удивляют. Поэзия стала слишком автореферентной, слишком скучной и пресной. Иногда я прилагаю усилия, очень стараюсь, но в некоторых стихах язык будто сам себя вымарывает, и даже самые простые слова становятся тусклыми. А о книгах, которые попросту сами закрываются, я и вовсе молчу. Так к чему это хныканье? Если у поэзии нет успеха, то тут уж ничего не поделаешь. И не нужно спешить ей на помощь. Если сможет, то пусть сама думает о своем выживании. Пожалуй, будет достаточно просто оставить ее в покое, меньше создавать шума, сдерживать официальную суету, которая только мешает. Очень жаль, потому что я верю, что из всех литературных жанров именно поэзия могла бы лучше других быть полезной для современности: своей скоростью, гибкостью, доступностью и легкостью запоминания <...>». [9]

«<...> Полезна ли поэзия? — Понятия не имею. Для меня она нужна, чтобы быть бессмертной. Не в смысле потомков, боже упаси! Но быть бессмертной здесь и сейчас, пока пишу. Она меня спасает от времени, возвращает мне целостность, исчезают мои тревоги. А еще наконец-то я это поняла: поэзия — это единственное, чем я могу заниматься без мученья. <...>». [5]

«<...> Какие нужны условия, чтобы писать стихи? — Тишина — это без сомнения, состояние безделья и покоя. А еще приятное внимание, восхищение и... осознания собственной бренности <...>». [5]

«<...> К себе, Патриции Кавалли, какого-то особого предпочтения я не испытываю. Для себя я всего лишь объект исследования, который пробуждает во мне чувства и размышления, и это может сделать кто угодно. Разница лишь в том, что я постоянно нахожусь рядом, днем и ночью, поэтому я стала знатоком самой себя и, возможно, немного привязалась к себе. Вот и все. Родом я из Умбрии, поэтому если бы я родилась в тринадцатом веке, то стала бы знаменитым мистиком <...>». [5]

«<...> Вы знаете, я очень практичный человек и совершенно не бескорыстный. И к поэзии, как высшей сущности, я не испытываю никакого особого благоговения. Но правда и в том, что когда я пишу, то не действую по расчету, не задаюсь вопросом для чего и что это мне даст. Просто я это делаю и точка. А потом из написанных стихов я стараюсь как-то извлечь пользу <...>». [5]

«<...> Моя проблема — это лень и праздность: да, я могу сказать, что работала, но никогда не придавала этому значение; я очень мало публиковалась, мои ящики переполнены забытыми стихами <...>». [1]

«<...> Когда я читаю о писателях, которые ежедневно сидят за столом и работают часами, что бы ни случилось, я им искренне завидую: месяцами я могла не написать ни слова или, по крайней мере, просто этого не заметить <...>». [1]

«<...> Я не люблю работать, но все-таки я работаю. Вношу поправки, систематизирую, делаю копии, перевожу: это работа. Но в основном мне удастся работать только в том случае, если я этого не замечаю <...>». [5]

«<...> Я не пишу, по крайней мере, четыре месяца. Болезнь, говорят, сейчас отступила, но эти проклятые процедуры, которые я делала, отняли у меня силы и память. Как писать стихи без памяти? Поэзия — это что-то взять и удалить лишнее так, чтобы засияло. Слова должны иметь внутреннюю силу, задача поэта — найти их среди множества других <...>». [8]

О жизни...

«<...> Остались позади не самые счастливые годы, но я помню какие я готовила ужины, потому что умела очень хорошо готовить, а еще у меня всегда было много гостей. А сейчас если кто-нибудь зайдет в гости, то это сплошные хлопоты.

— Тяжело быть одной?

— Да, это неприятно, а вечером невыносимо.

— У Вас были счастливые годы?

— Я не верю в счастливые годы. Могут быть счастливые сезоны. Или дни <...>». [8]

О молодости...

«<...> У меня всегда была красивая кожа. Еще говорят, что в молодости я была красивой, но я никогда не придавала этому значение. Вот. Быть может, я была счастливой, не замечая этого. Возможно, это было объективным наслаждением моей прекрасной юностью, но не субъективным... Одно из стихотворений нового сборника заканчивается такими словами: «... не ведая того, что на самом деле я была красивой» <...>». [8]

О любви...

«<...> Именно любовь движет мною, и это, быть может, не является правдой в буквальном смысле, но здесь присутствует экстагическая форма обожания, презрения или ненависти. Я не знаю, что такое духовная любовь, для меня это что-то на полдня. Или я в состоянии affected, волнения, или я не знаю, что такое любовь <...>». [1]

«<...> Из-за любви в моей жизни я переживала ужасные моменты: то меня неожиданно охватывала галлюцинирующая боль, то я часами смотрела в стену. Со мной это больше не происходит, это прекратилось, и ума у меня поубавилось, я стала более светонепроницаемой, теперь у меня ощущение, будто я ничто, потому что я больше не чувствую того, что чувствовала прежде. Я не знаю, может быть, это из-за лечения, но у меня появилось ощущение, будто изменился мой характер <...>». [1]

О теле...

«<...> Правда ли, что «тело — это все»? — Ну конечно, а что еще, душа что ли? Да брось! Тело — это то, на чем мы испытываем свои приобретения и потери <...>». [8]

«<...> Я чувствую свою беспомощность. Тело сдается, появилась усталость, чувство небытия. Тело — это все. Тело — это театр наших дел, без тела нас нет. Память — это, конечно, утешение, с памятью мы чувствуем себя здоровыми. Но сейчас я не всегда чувствую жизнь впереди. Иногда она снова воскресает, это происходит неожиданно, и тогда я тут спешу ее схватить, зафиксировать. Образами или словами». [8]

О красоте вещей...

«<...> Да, я обладаю quality queen (особенностью, присущей королеве — А.К.): я люблю вещи. Когда я думаю о своей смерти, то, на самом деле, я чуть-чуть больше сожалею о вещах, чем о людях. Мой взгляд никогда не остановится на этом кресле, обтянутом этой тканью, и каждый раз, когда я смотрю на него, то говорю: «Ах, как красиво». А еще я буду скучать по предметам искусства, картинам и просто по красоте вещей. Смотрю на эту вазу и говорю сама себе: «Как же мне удалось

купить такую красивую вещь?». Мой *opus incertum*¹ на кухне выложен из кусков античного мрамора и керамики. Его я сама сделала, это мой шедевр: будто встреча намерения и случая — здесь настоящая парадигма моей жизни, и поэтической тоже. Когда нужно что-то вплотную подогнать к чему-то, но без чрезмерной силы: для этого ты должен прислушаться, пусть даже пассивно, к внутренней силе предмета. Зачастую стихи — это своего рода *opus incertum*, некое мягкое слушание, а не просто желание творить <...>. [1]

О времени...

<...> Время я всегда считалось пыткой, оно было и остается моим врагом. Разумеется, я думаю о времени, которое движется по своей абсурдной прямой линии. В прошлом мое противостояние выглядело более открытым: я была непослушной, постоянно опаздывала и сама хотела решать «когда». Моя система «нападения» сводилась к замедлению или ускорению чего-либо, я была или позади, или впереди него, и делала это инстинктивно. Отсюда моя лень и несдержанность. У меня всегда было желание никогда не делать вовремя, чтобы получилось вовремя. Мол, я не готова, у нас разные ритмы. Я делала все, чтобы запутать его, помешать, сбить с толку. Я прибегала к уловкам и самоуправству, но в итоге мне не удалось ни победить, ни проигнорировать его. Остается только надеяться, что однажды по стечению обстоятельств произойдет чудо: время остановится естественным образом, потому что только тогда по-настоящему можно быть счастливым. В этом случае рождается любовь, игра, поэзия, а еще поездки и бог знает сколько всего другого, что, впрочем, от нас не зависит. Со своей стороны я совершила своего рода отмщение. К примеру, под стихами я не ставлю даты, а отпускаю парить их во времени. Поскольку жизнь не может быть такой, какой я хотел бы ее видеть, со многими начинаниями и возвратами, когда «сперва» становится «потом» и наоборот, поэтому все это я воплощаю в своих книгах. Между одной книгой и последующей, как ни странно, всегда проходят, по меньшей мере, семь лет. Это довольно длительное время, за которое могут произойти многие изменения как в языке, так и в мышлении, и происходят они именно во времени. Но когда я систематизирую свои стихи для сборника, то их объективное времени уже больше не существует, а показывать их эволюцию мне неинтересно. Скорее я отправлюсь на поиски другого порядка, другой темпоральности, которые для меня более реальны, которые опровергнут хронологию, но будут учитывать те интимные законы, по которым определенное стихотворение ищет близости с другим или избегает его, согласно нелинейному движению, я бы сказала волнообразному или даже круговому, где все смешивается и всегда начинается снова, потому что поэзия реабилитирует прошлое и предвосхищает будущее. И тогда я чувствую себя повелительницей времени, обладающей властью, способной выслушать и принять <...>. [9]

О деньгах...

<...> (переспрашивает) Можно ли заработать на стихах? (смеется) Я продала довольно много книг, а принимая во внимание, что речь идет о поэтических сборниках, то на этом точно не разбогатеешь. Конечно, было бы неплохо быть богатым, а с недавнего времени у меня и вовсе появилась мания требовать, чтобы мне платили. Сейчас я выиграла премию Фельтринелли² и очень этому рада. Но хорошо я зарабатывала не стихами, а занимаясь совсем другим <...>. [1]

<...> Некоторое время я работала арт-дилером и, особенно в восьмидесятые годы, могла очень легко зарабатывать деньги. Если у кого-нибудь была картина или вещь на продажу, то я выступала посредником и забирала свои проценты; иногда за пару минут я могла получить большие деньги. Я заключила соглашение с одним крупным торговцем антиквариата в Турине, который однажды за одну только сделку продал картин на десять миллиардов лир³. Мне всегда везло с деньгами: чистое везение без усилий. Вскоре у меня появились угрызения совести, и больше я там не заработала ни одной лиры. Чтобы хорошо зарабатывать, нужно иметь преступное простодушие. Потом в течение пяти лет меня содержал американский фонд одной моей милейшей и очень экстравагантной подруги. Я должна была лишь в нескольких строчках описать какой-нибудь свой проект, и тут же получала сорок тысяч долларов, пятьдесят тысяч долларов, тридцать тысяч долларов <...>. [1]

О покере...

<...> Потом я стал игроком в покер, и отсюда началось мое разрушение. Открытый покер. Сначала я выигрывала и мне очень сильно везло. Всех художников Сан-Лоренцо я буквально уничтожала, вызывала у них ужас, но потом постепенно я начала разваливаться <...> и бросила покер.

Вот такое оно — мое экономическое пространство, все доверено судьбе. Я играла до семи утра, выкуривала миллиарды сигарет и подорвала здоровье. И когда я думаю о своей болезни, то понимаю, что это была не шутка <...>. [1]

<...> Вы играете в карты... — Да, это одно из моих любимых занятий, и никогда мне не надоедает. У игры есть много достоинств. К примеру, всегда есть возможность начать сначала. Даже если ты проигрываешь, но пока остаешься в игре, значит, не все еще потеряно. Ты находишься внутри круга, во времени по кругу. В жизни время протекает прямолинейно, и как я ни старалась, чтобы изменить этот ужасный процесс — все напрасно. Также во время игры можно понять взаимоотношение с судьбой, а точнее с той неожиданной работой ума, с тем максимальным сосредоточением всех способностей, что называется интуиция. Любовь, поэзия и игра, когда они идут в правильном направлении, то становятся немного похожими друг на друга, потому что в них останавливается время, почти исчезает. Смерти больше нет <...>. [5]

<...> О деньгах у меня есть много теорий: главная из них состоит в том, что никогда не следует с грустью ждать, когда они закончатся. Нужно потратить их раньше — все равно им наступит конец. Короче говоря, лучше конец принудительный, чем растянуто-изнурительный. Другая моя теория является скорее практическим наблюдением и заключается в том, что деньги следует тратить с энтузиазмом, едва ли не швыряя их широким энергичным жестом, движением в виде крюка, чтобы они хорошенько где-то по кругу полетали, а потом с удовольствием вернулись — причем окрепшими! — в руки тех, кто так

¹ *Opus incertum* / «opus инцертум» или просто «инцерт» — древнеримская нерегулярная каменная стенная кладка; облицовочная кладка камней в свободном расположении, без тщательной подгонки друг-другу, с неправильным, нерегулярным рисунком — А.К..

² Премия Фельтринелли / *Premio Feltrinelli* — одна из самых престижных национальных и международных наград Италии (имеет сходство с Нобелевской премией); учреждена итальянским предпринимателем Антонио Фельтринелли (1887–1942), оставившим после своей смерти фонд, с целью «вознаграждать работу, учебу и исследования»; денежная премия в размере от €65 000 (для итальянцев) и выше (международная), сертификат и золотая медаль; в 2017 г. премию для итальянцев в области литературы в размере 65.000 евро разделили четыре победителя: Патриция Кавалли (поэзия), Джан Пьетро Брунетта (история кино), Лучано Формизано (филология), Альберто Оливерни (научная литература).

³ 10 млрд итальянских лир = 494,9 млн. евро

мастерски их метнул. А если ты с ними рассташься каким-то коротким запорным движением, то они не разлетятся, а тут же упадут где-то рядом и останутся лежать навсегда инертными и в обморочном состоянии. И больше ты их никогда не увидишь. Как бы там ни было, у меня есть Денежный Ангел: он меня очень любит и не может видеть меня в отчаянии из-за такого пустяка. Поэтому, когда у меня заканчиваются деньги, то появляется Ангел и приносит их мне прямо домой <...>. [5]

О болезни...

<...> Рак у меня обнаружили в 2015 году, но заболела я раньше, и самое неприятное для меня, что есть человек, который за это несет ответственность — это мой доктор, ненавижу его. Он не заметил рака, а ведь он радиолог. Будучи ипихондриком и курильщиком, я ежегодно делала рентгенографию, проходила обследования — к этому я относилась очень серьезно, вот в чем злая шутка, понимаете? Мою болезнь со всей очевидностью можно было обнаружить еще в 2011 году, но он не посмотрел рентгеновские снимки. А если бы он посмотрел вовремя и как следует, то я бы точно не оказалась в таком состоянии <...>. [1]

О смерти...

<...> Вам страшно? — Я ничего не боюсь. Нет, неправда, я боюсь летать на самолетах и боюсь умереть. Даже если боязнь смерти, на самом деле — это абсурд. Это глупо, я знаю, это смешно, но я не могу этого вынести. Помню слова Эльзы, когда умирал ее кот Карузо: «Черт знает что! Какой ужас! Неужели нельзя было придумать что-нибудь другое?!». Меня это так ужасает, что я даже не могу оплакать своих умерших близких. Может быть, поэтому я провожу жизнь, как в странной игре, где умирают и воскресают, умирают и воскресают. Но у меня не всегда получается <...>. [5]

«Сейчас я даже стала организованной, это ведь ненормально? Свою болезнь я стараюсь использовать на пользу, переписываю все, что написано от руки, даже самые незначительные вещи, это как некое занятие в обиду на саму себя. Я борюсь со своей неуклюжестью, недомыслием, с тем, кто я есть; что было мною написано — это часть меня, то, кем я являюсь <...> Да, мне страшно, когда я много об этом думаю, но потом делаю вид, что ничего особенного не происходит, потому что знаю: от жизни в страхе нет никакой пользы». [1]

О Боге...

<...> — Вы верите в Бога?

— Что это за вопрос?

— Законный вопрос. Ответьте.

— Нет, скорее, я предпочту Аполлона <...>. [8]

* * *

Поэтические сборники Патриции Кавалли

1. Cavalli Patrizia. *Le mie poesie non cambieranno il mondo*, Einaudi, Torino, 1974, p.56.
2. Cavalli Patrizia. *Il cielo*, Einaudi, Torino, 1981, p.76.
3. Cavalli Patrizia. *L'io singolare proprio mio*, Einaudi, Torino, 1992.
4. Cavalli Patrizia. *Poesie (1974–1992)*, Einaudi, Torino, 1992, p. 254 (raccolta che assomma le tre precedenti).
5. Cavalli Patrizia. *Sempre aperto teatro*, Einaudi, Torino, 1999, p. 125. (premio Viareggio-Repaci)
6. Cavalli Patrizia. *La guardiana, nottetempo*, Roma, 2005, p. 22.
7. Cavalli Patrizia. *Pigre divinità e pigra sorte*, Einaudi, Torino, 2006, p. 161.
8. Cavalli Patrizia. *La Patria*. — Einaudi, Torino, 2006, p. 32.
9. Cavalli Patrizia, Tejera Diana. *Al cuore fa bene far le scale*. Con CD Audio.-Voland, SunnyBit, Roma, 2012, p. 68. (Песенный сборник (11 песен) + CD: стихи Патриции Кавалли; музыка, исполнение Дианы Тейера)
10. Cavalli Patrizia. *Datura*, Einaudi, Torino, 2013, p. 123.
11. Cavalli Patrizia. *Flighty matters*, Quodlibet, Macerata, 2017, p. 64.
12. Cavalli Patrizia. *Vita meravigliosa*, Einaudi, Torino, 2020, p. 128.

Проза

Cavalli Patrizia. *Con passi giapponesi*, Einaudi, Torino, 2019, p. 152. (Premio Campiello, 2020)

Литературные переводы (автор Патриция Кавалли)

1. William Shakespeare. *Sogno di una notte d'estate*. — Traduzione di Patrizia Cavalli a. — Einaudi, Torino, 1996, p. 129.
2. Molière. *Anfitrione*. — Traduzione di Patrizia Cavalli. — Einaudi, Torino, 2009, p. 82.
3. Shakespeare in scena. *Quattro traduzioni*. — Traduzione di Patrizia Cavalli. — Nottetempo, Roma, 2016, p. 472. (пьесы Шекспира: «Буря», «Сон в летнюю ночь», «Отелло», «Двенадцатая ночь»).

* * *

Литература

1. Benini Annalena. *Le mie poesie sono respiri e io respiro per trovare le parole*. Patrizia Cavalli si racconta.-Il Foglio, 21 agosto 2017. URL: <https://www.ilfoglio.it/magazine/2017/08/21/news/le-mie-poesie-sono-respiri-e-io-respiro-per-trovare-le-parole-149129/>
2. Cavalli Patrizia. *Poesie (1974–1992)*, Einaudi, Torino, 1992, p. 254
3. Cavalli Patrizia. *Datura*, Einaudi, Torino, 2013, p. 123.
4. Cavalli Patrizia. *Vita meravigliosa*, Einaudi, Torino, 2020, p. 128.
5. Ginzburg Lisa. *Intervista a Patrizia Cavalli // Le parole che suonano*. — “l'Unità”, 3 giugno 2020. URL: <https://www.nazioneindiana.com/2022/06/21/intervista-a-patrizia-cavalli/>
6. Grasso Valentina. *Poetesse italiane del Novecento: Patrizia Cavalli*. — Grado Zero, 29 Gennaio 2019. URL: <https://www.rivista-gradozero.com/2019/01/29/poetesse-italiane-del-novecento-cavalli/>

7. Ronchey Silvia. Patrizia Cavalli, ritratto di poetessa nel solstizio d'estate. *La Repubblica*, 21 giugno 2022. URL: https://www.repubblica.it/cultura/2022/06/21/news/morta_poetessa_patrizia_cavalli-354858635/
8. Scorrane Robert. Patrizia Cavalli: «Vivo senza amore da anni. Non chiamatemi poetessa, sono poeta». — *Corriere della sera*, 28 agosto 2020. URL: <https://www.corriere.it/cultura/trend-topic/notizie/patrizia-cavalli-vivo-senza-amore-anni-non-chiamatemi-poetessa-sono-poeta-8ab8c83e-e935-11ea-a9ca-79a6b2bfb572.shtml>
9. Valletti Camilla. Intervista a Patrizia Cavalli. Dall'archivio. *Il tempo della valigia*. — *L'Indice*, novembre 2006. URL: <https://www.lindiceonline.com/letture/patrizia-cavalli-intervista/>
10. Dance scene from the film "Picnic" (1955) — Kim Novak / William Holden. URL: https://mail.ru/search?search_source=mailru_desktop_safe&msid=1&suggest_reqid=69941473163888755546410933581512&serp_path=%2Fvideo%2Fpreview%2F14213625085878482485&type=video

References

1. Benini Annalena. Le mie poesie sono respiri e io respiro per trovare le parole. Patrizia Cavalli si racconta. *Il Foglio*, 21 agosto 2017. URL: <https://www.ilfoglio.it/magazine/2017/08/21/news/le-mie-poesie-sono-respiri-e-io-respiro-per-trovare-le-parole-149129/>
2. Cavalli Patrizia. *Poesie (1974–1992)*, Einaudi, Torino, 1992, p. 254
3. Cavalli Patrizia. *Datura*, Einaudi, Torino, 2013, p. 123.
4. Cavalli Patrizia. *Vita meravigliosa*, Einaudi, Torino, 2020, p. 128.
5. Ginzburg Lisa. Intervista a Patrizia Cavalli // Le parole che suonano. — "l'Unità", 3 giugno 2020. URL: <https://www.nazioneindiana.com/2022/06/21/intervista-a-patrizia-cavalli/>
6. Grasso Valentina. Poetesse italiane del Novecento: Patrizia Cavalli. — *Grado Zero*, 29 Gennaio 2019. URL: <https://www.rivista-gradozero.com/2019/01/29/poetesse-italiane-del-novecento-cavalli/>
7. Ronchey Silvia. Patrizia Cavalli, ritratto di poetessa nel solstizio d'estate. *La Repubblica*, 21 giugno 2022. URL: https://www.repubblica.it/cultura/2022/06/21/news/morta_poetessa_patrizia_cavalli-354858635/
8. Scorrane Robert. Patrizia Cavalli: «Vivo senza amore da anni. Non chiamatemi poetessa, sono poeta». — *Corriere della sera*, 28 agosto 2020. URL: <https://www.corriere.it/cultura/trend-topic/notizie/patrizia-cavalli-vivo-senza-amore-anni-non-chiamatemi-poetessa-sono-poeta-8ab8c83e-e935-11ea-a9ca-79a6b2bfb572.shtml>
9. Valletti Camilla. Intervista a Patrizia Cavalli. Dall'archivio. *Il tempo della valigia*. — *L'Indice*, novembre 2006. URL: <https://www.lindiceonline.com/letture/patrizia-cavalli-intervista/>
10. Dance scene from the film "Picnic" (1955) — Kim Novak / William Holden. URL: https://mail.ru/search?search_source=mailru_desktop_safe&msid=1&suggest_reqid=69941473163888755546410933581512&serp_path=%2Fvideo%2Fpreview%2F14213625085878482485&type=video

Патриция Кавалли

Стихи

©Перевод Артура Кураша

Как много соблазнов по кругу
 между комнатой
 и кухней, между кухней
 и фаянсовым другом.
 На стене пятно,
 клочок бумаги на полу,
 стакан воды и взгляд в окно,
 а следом — привет соседке,
 и ласка кошке-домоседке.
 Так всегда я забываю
 главную идею, на улице теряюсь,
 день за днем истончаюсь,
 и любая попытка возврата
 не дает результата.
 (Le mie poesie non cambieranno il mondo.— Einaudi, Torino, 1974)

* * *

На лицо мне падают ночи,
 и дни падают мне на лицо.
 Я вижу, как они громоздятся,
 образуя неровную поверхность:
 их вес не всегда одинаков,
 иногда они падают с высоты — отсюда и ямы,
 иногда едва касаются,
 оставляя воспоминанья, будто в полутьме.
 Я их измеряю, как землеустроитель,
 веду им подсчет и разделяю их
 на годы и сезоны, на месяцы и на недели.
 Но в душе я лелею надежду
 однажды забыться,
 в суматохе растерять подсчеты,
 выйти из заточения,
 новым лицом получить прощение.
 (Le mie poesie non cambieranno il mondo.— Einaudi, Torino, 1974)

* * *

О любви я не хочу
 почем зря трепаться,
 а хочу я просто
 любовью заниматься.
 (Le mie poesie non cambieranno il mondo.— Einaudi, Torino, 1974)

* * *

Новый год, конечно, я не буду славить,
 я вообще не хочу восхвалять ничего;
 будь то новый иль старый — меня не заставит,
 а нечто новое — плевать на него.

* * *

После долгих лет терзаний и раскаяний
 вдруг я поняла: моя последняя способность —
 неудобоваримая и свежая пошлость.
 (Il cielo, Einaudi, Torino, 1981)

* * *

Если бы ты постучал в мою дверь сейчас...
 Если бы ты постучал в мою дверь сейчас
 и снял бы очки,
 и я сняла бы свои — они такие же, одинаковые,
 а потом ты проник бы в мой рот,

Quante tentazioni attraverso
 nel percorso tra la camera
 e la cucina, tra la cucina
 e il cesso. Una macchia
 sul muro, un pezzo di carta
 caduto in terra, un bicchiere d'acqua,
 un guardar dalla finestra,
 ciao alla vicina,
 una carezza alla gattina.
 Così dimentico sempre
 l'idea principale, mi perdo
 per strada, mi scompongo
 giorno per giorno ed è vano
 tentare qualsiasi ritorno.

Addosso al viso mi cadono le notti
 e anche i giorni mi cadono sul viso.
 Io li vedo come si accavallano
 formando geografie disordinate:
 il loro peso non è sempre uguale,
 a volte cadono dall'alto e fanno buche,
 altre volte si appoggiano soltanto
 lasciando un ricordo un po' in penombra.
 Geometra perito io li misuro
 li conto e li divido
 in anni e stagioni, in mesi e settimane.
 Ma veramente aspetto
 in segretezza di distrarmi
 nella confusione perdere i calcoli,
 uscire di prigione
 ricevere la grazia di una nuova faccia.

Ma d'amore
 non voglio parlare,
 l'amore lo voglio
 solamente fare.

Non benedico certo l'anno nuovo
 non voglio benedire proprio niente;
 nuovo o vecchio che sia non mi commuovo
 ma, cosa nuova, mi sono indifferente.

Dopo anni tormenti e pentimenti
 quello che scopro e quello che mi resta
 è una banalità fresca e indigesta.

Se ora tu bussassi alla mia porta...
 Se ora tu bussassi alla mia porta
 e ti togliessi gli occhiali
 e io togliessi i miei che sono uguali
 e poi tu entrassi dentro la mia bocca

не боясь поцелуев неодинаковых,
и сказал бы мне: «Любовь моя,
ну что случилось?» — ах, какая классная сцена
получилась бы.

(Poesie (1974–1992).— Einaudi, Torino, 1992)

* * *

Мое сердце сегодня в роскошном пристанище
своей бескрайней тоски. Адью. Ничего не поделаешь.
(Poesie (1974–1992).— Einaudi, Torino, 1992)

* * *

Тебя я ненавижу — больше не люблю.
Я не могу тебя простить,
что больше не смогу любить.
(Poesie (1974–1992).— Einaudi, Torino, 1992)

* * *

Волна

Волна схлынула и покатила прочь
от берега,
где поднявшись, разбилась,
завершая тем самым свое явление,
не ведая о прочих волнах
что были впереди или катили следом —
помощники ее движению вперед и возвращению;
и вот с поверхности она пропала — вернулась
в глубокие воды, где распалась
в собственном теле, чтобы
подготовить через тысячелетия
свое такое же явление,
свое такое же падение.
(Poesie (1974–1992).— Einaudi, Torino, 1992)

* * *

Еще немного и все к чертям!
Но наконец-то
конец лета.
Ура, вперед, на диваны!
На диваны! На диваны!
(L'io singolare proprio mio, Torino, Einaudi, 1992)

* * *

Как мертвая, как полумертвая,
более чем мертвая. Живущий
рядом, в двух шагах, сгинул
на моих глазах. Бог встреч,
верни мне друга!
(Sempre aperto teatro.— Einaudi, Torino, 1999)

* * *

Все так просто,
да, было так просто,
и настолько явно,
что в это почти не верю.
Поясню для чего нужно тело:
трогай меня или не трогай,
обними меня или отвергни.
А прочее — для дураков.
(Pigre divinità e pigra sorte.— Einaudi, Torino, 2006)

* * *

Дурман

Нет, я не хочу махнуть рукой,
закрывать глаза на все, что нашла
в этой скучной географии, которая определяет
следствие к своей причине, затем их вручает
смирненной тщательности интерпретации.
В ином мой план, устремление моей амбиции —
использовать язык мне данный и
без боли бессловесной, без многословия смыслов,

senza temere baci disuguali
e mi dicessi: «Amore mio,
ma che è successo?», sarebbe un pezzo
di teatro di successo.

Oggi il mio cuore superbamente alberga
nel suo immenso malumore. Addio. Pazienza.

Ti odio perché non ti amo più,
perché non posso perdonarti
di non riuscire più ad amarti.

L'onda

L'onda che si ritira e si allontana
dalla riva
dove alzandosi e crollando
ha fatto la sua uscita
non sapendo delle altre
che la precedevano e che la seguivano
e che erano il suo avanzare e il suo cedere,
ha perduto la superficie e rientrando
nelle acque profonde si è confusa
nel suo proprio corpo
dove prepara attraverso i millenni
la sua prossima identica uscita
il suo prossimo identico crollo.

Tra un po' tutti all'inferno.
Però per il momento
è finita l'estate.
Avanti, su, ai divani!
Ai divani! Ai divani!

Come morta, meno che morta,
più che morta. Vivente
a due passi, scomparsa
ai miei occhi. Dio degli incontri,
ritornami amico!

È tutto così semplice,
sì, era così semplice,
è tale l'evidenza
che quasi non ci credo.
A questo serve il corpo:
mi tocchi o non mi tocchi,
mi abbracci o mi allontani.
Il resto è per i pazzi.

Datura

Ma io non voglio andarmene così,
lasciando tutto come ho trovato
in questa scialba geografia che assegna
l'effetto alla sua causa e tutti e due consegna
all'umile solerzia dell'interpretazione.
Un altro è il mio progetto, la mia ambizione
è accogliere la lingua che mi è data
e, oltre il dolore muto, oltre il loquace

просто поиграть словами
представляя, без идентичности,
некое видение. К примеру, вот цветок
дурмана, его желтое соцветие —
оно не совсем желтое, скорее кремовое,
такое же кремовое, как у белого персика —
с дрожью прозрачной зелени,
но нежной, крохотной —
он может умереть на третий день,
вернее, иссохнуть складками,
будто кожа лани, лоскутом, перчаткой,
потрепанным крылом летучей мыши, локонами, клювами —
вся эта красота принадлежит ему,
что само собой — разумеется! —
и не думаешь вовсе, что в этом всем
лишь одно зависит от меня — его иллюзорная сторона,
за которую только я ответственна.
В этом возвышенная радость моей задачи,
В этом моя драгоценность.
Чем цветок, я большая ценность.
(Datura. — Einaudi, Torino, 2013)

* * *

Сердце — извечная неопределенность, поэтому
даже тайно незачем гордиться
одержанной победой или равнодушием.
Воздай почести тому, что было тобою любимо,
даже если кажется, что любви больше нет.
Спокойно ли тебе? Ты довольна собою?
Ты могла бы, в конце концов, после многих лет
бесславной неуверенности, тревог и унижений,
поменяться ролями, быть той, кто без стеснения
унижает и командует? Нет, не делай этого,
лучше притворись, сделай вид, будто любишь
как прежде, притворяйся идеально и победи
природу. Возможно, утомленная любовь и есть
единственная безупречность.
(Datura. — Einaudi, Torino, 2013)

* * *

Чего не должна я делать
чтобы не лишиться
враждебного ума своего:
извечная неприязнь
к греховному наслаждению быть тем, кто я есть,
моему блаженному ничего.
(Vita meravigliosa. — Einaudi, Torino, 2020)

* * *

Смерть я хотела бы встретить на равных,
хотя знаю: все равно придется проиграть,
но я жажду схватки настоящей,
а не тихо и медленно угасать.
(Vita meravigliosa. — Einaudi, Torino, 2020)

* * *

Прежде чем умереть,
возможно, смогу понять
свое неопределенное, мрачное положение.
Возможно, чтобы не умереть
продолжу не понимать,
быть уверенной в этом ясном смятении.
(Vita meravigliosa. — Einaudi, Torino, 2020)

* * *

И я должна уйти вот так?
Нет, я не тешусь надеждой, словно речь
о законченной вышивке с картинкой,
когда зубами нитку рвешь

suo significato, giocare alle parole
immaginando, senza un'identità,
una visione. Come di fronte a un fiore
di datura, a quel suo giallo
non propriamente giallo, crema piuttosto,
la stessa crema che ha la pesca bianca,
con brividi di verde trasparente,
ma delicati, piccoli,
il modo di morire al terzo giorno
o meglio, di seccarsi plissettandosi,
pelle di daino, straccetto, guanto,
ala di pipistrello acciaccato, riccioli, rostri,
questa bellezza propriamente sua,
che tutto ciò in se stesso non ci pensi
neppure alla lontana a poter essere
una soltanto di tutte queste cose
che dipenda da me la sua apparenza,
che ne sia io la sola responsabile,
questa è la gioia fiera del mio compito,
qui è il mio valore. Io valgo più del fiore.

Il cuore non è mai al sicuro e dunque,
fosse pure in silenzio, non vantarti
della vittoria o dell'indifferenza.
Rendi comunque onore a ciò che hai amato
anche quando ti sembra di non amarlo più.
Te ne stai lì tranquilla? Ti senti soddisfatta?
Potresti finalmente dopo anni
d'ingloriosa incertezza, di smanie e umiliazioni,
rovesciare le parti, essere tu a поменяться рлями
che umili e che comandi? No, non farlo,
fingi piuttosto, fingi l'amore che sentivi
vero, fingi perfettamente e vinci
la natura. L'amore stanco
forse è l'unico perfetto.

Cosa non devo fare
per togliermi di torno
la mia nemica mente:
ostilità perenne
alla felice colpa di esser quel che sono,
il mio felice niente.

La morte vorrei affrontarla ad armi pari
anche se so che infine dovrò perdere,
voglio uno scontro essendo tutta intera,
che non mi prenda di nascosto e lentamente.

Ma prima di morire
forse potrò capire
la mia incerta e oscura condizione.
Forse per non morire
continuo a non capire
sicura in questa chiara confusione.

E me ne devo andare via così?
Non che mi aspetti il disegno compiuto
ciò che si vede alla fine del ricamo
quando si rompe con i denti il filo

как только узелок затянешь,
и если потянуть, то нить не вытянуть.
Но все, что видела-впитала — начисто пропало.
А ведь я почти не начинала.
(Vita meravigliosa. — Einaudi, Torino, 2020)

* * *

Жизнь чудесная
ты всегда удивляешь меня
и хотя у нас нет дитя
ты по-прежнему моя благоверная
(Vita meravigliosa. — Einaudi, Torino, 2020)

dopo averlo su se stesso ricucito
perché non possa più sfilarsi se tirato.
Ma quel che ho visto si è tutto cancellato.
E quasi non avevo cominciato.

Vita meravigliosa
sempre mi meravigli
che pure senza figli
mi resti ancora sposa